

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: АНАЛИЗ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПЕРЕВОД

Эмблематические коммуникативные ошибки в речи мигрантов-билингвов

Emblematic Communicative Errors in the Speech of Bilingual Migrants

DOI: 10.12737/2587-9103-2026-15-2-31-37

Получено: 01 февраля 2026 г. / Одобрено: 28 февраля 2026 г. / Опубликовано: 26 апреля 2026 г.

И.Б. Маслова

Канд. филол. наук, доцент,
профессор кафедры русского языка
Института мировой медицины,
ФГАОУ ВО «Российский национальный
исследовательский медицинский университет
им. Н.И. Пирогова Минздрава РФ (Пироговский
университет);
Российская Федерация, г. Москва,
ул. Островитянова 1;
доцент кафедры русского языка и
лингвокультурологии Института русского языка
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы
народов»,
Российская Федерация, г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая 6,
e-mail: Irinamaslova0906@yandex.ru

I.B. Maslova

Ph.D., Associate Professor,
Professor of the Department of Russian Language
Institute of World Medicine
Russian National Research Medical University
of the Ministry of Health of the Russian Federation
(Pirogov University);
1 Ostrovityanova Street, Moscow, Russian Federation;
Associate Professor of the Department
of Russian Language and Linguoculturology
Institute of Russian Language
Russian University of Friendship of Peoples,
6, Miklukho-Maklaya Street, Moscow, Russian
Federation,
e-mail: Irinamaslova0906@yandex.ru

Аннотация

Исследование посвящено осмыслению коммуникативных ошибок в речи мигрантов-билингвов. В основе статьи лежит гипотеза о том, что коммуникативные ошибки этой категории людей являются эмблематическими и позволяют идентифицировать как личность человека и актуальную информацию о нем (его статус, происхождение, принадлежность к той или иной культуре, возраст и состояние здоровья), так и тип его коммуникативного поведения. Билингвальное коммуникативное поведение мигранта можно считать «чистым», так как оно манифестирует коммуникацию в экстремальных условиях: выражение мыслей на иностранном языке требует больших энергетических затрат и мобилизации мыслительного процесса с вовлечением всего языкового материала, известного говорящему. Следовательно, произвольные, коммуникативно-значимые нарушения, ошибки в восприятии и понимании речи являются не фиктивной, а реальной эмблемой билингвального коммуникативного поведения мигрантов. Чтобы добиться коммуникативного успеха и найти точки соприкосновения в диалоге культур, в процессе преподавания русского языка как иностранного мигрантам-билингвам у обучающихся необходимо сформировать не только коммуникативную, но и межкультурную компетенцию, что позволит преодолеть ксенофобию и существующие стереотипы и по отношению к коренному населению РФ, и по отношению к самим мигрантам. Правильная интерпретация эмблематических коммуникативных ошибок в речи и коммуникативном поведении может стать ключом к взаимопониманию между мигрантами-билингвами и коренным населением Российской Федерации, к сплочению людей разных национальностей.

Ключевые слова: ошибка, эмблематическая коммуникативная ошибка, мигранты-билингвы, билингвальное коммуникативное поведение, межкультурная компетенция, преподавание русского языка как иностранного.

Введение

Изучая проблему билингвального коммуникативного поведения мигрантов из Средней Азии, мы обратили внимание на то, что к ключевым характеристикам концепта «мигрант» относятся следующие:

Abstract

The study is devoted to the comprehension of communicative errors in the speech of migrant bilinguals. The article is based on the hypothesis that communicative errors of this category of people are emblematic and allow us to identify both the person's identity and relevant information about them (their status, origin, belonging to a particular culture, age, and health), as well as the type of their communicative behavior. The bilingual communicative behavior of a migrant can be considered "pure" because it manifests communication in extreme conditions: Expressing thoughts in a foreign language requires a lot of energy and mobilization of the thinking process, involving all the linguistic material known to the speaker. Therefore, involuntary, communicatively significant violations and errors in the perception and understanding of speech are not fictitious, but rather a real emblem of the bilingual nature of migrants' communicative behavior. In order to achieve communicative success and find common ground in the dialogue of cultures, it is necessary to form not only communicative but also intercultural competence in the process of teaching Russian as a foreign language to bilingual migrants. This will help to overcome xenophobia and existing stereotypes towards both the indigenous population of the Russian Federation and the migrants themselves. The correct interpretation of emblematic communicative errors in speech and communicative behavior can be the key to mutual understanding between bilingual migrants and the indigenous population of the Russian Federation, and to the unity of people of different nationalities.

Keywords: error, emblematic communicative error, bilingual migrants, bilingual communicative behavior, intercultural competence, teaching Russian as a foreign language.

- мигранты — это неквалифицированные рабочие в возрасте от 18 до 40 лет;
- многие из мигрантов работают в РФ нелегально;
- мигранты плохо знают русский язык и т.д. [5].

Последний факт является очевидным и подтверждается иллюстративными примерами из

Национального корпуса русского языка (*ruscorpora.ru*): так, Алеся Лонская в статье «На черной-черной улице стоит черная-черная школа...» подчеркивает, что «в столице учатся 70 тысяч детей мигрантов, большинство из которых плохо знают русский язык».

В связи с этим с 1 апреля 2025 г. в Российской Федерации были ужесточены правила приёма детей мигрантов в школы (согласно поправкам к ФЗ «Об образовании» [13]). Нововведения заключаются в обязательном тестировании на знание русского языка и проверке законности пребывания в стране. Правительство планирует закрепить механизм, позволяющий оперативно получать информацию о детях мигрантов, не зачисленных в школы, в том числе из-за непройденного тестирования по русскому языку [РБК 02.10.2025: 12:49].

Столь пристальное внимание власти к необходимости языковой и социокультурной адаптации мигрантов и членов их семей неслучайно: с позиции архетипической диады «свои — чужие» мигранты воспринимаются коренным населением нашей страны как «чужие» в первую очередь из-за плохого знания русского языка. Речь мигрантов, приезжающих в РФ из независимых государств Средней Азии, еще недавно входивших в состав Советского Союза, как правило, характеризуется сильным акцентом и содержит множество ошибок. Эти ошибки часто становятся причиной коммуникативных неудач, вызывающих непонимание между «своими» и «чужими». Необходимость разрешить такое непонимание, приводящее к межнациональным и межрелигиозным конфликтам, и определяет актуальность проводимого исследования.

Цель настоящей статьи — проанализировать примеры эмблематических коммуникативных ошибок в речи мигрантов-билингвов, а также предложить некоторые лингводидактические решения для их устранения в рамках современного межкультурного образования. «Только осознанная и теоретически обоснованная межкультурная ориентация процесса обучения иностранному языку может сформировать личность, свободную от предубеждений и стереотипов по отношению к чужой культуре» [2, с. 61].

Задачи статьи обусловлены ее целеполаганием:

- 1) опираясь на понятие эмблематической ошибки, проанализировать речь мигрантов-билингвов, выявить типичные эмблематические коммуникативные ошибки;
- 2) определить векторы лингводидактических решений для устранения в речи мигрантов-билингвов ошибок, приводящих к коммуникативным неудачам;
- 3) обосновать важность межкультурной ориентации процесса обучения русскому языку как иностранному.

Объектом исследования настоящей статьи является билингвальное коммуникативное поведение мигрантов из Средней Азии.

Предмет — эмблематические коммуникативные ошибки, манифестирующие особенности коммуникативного поведения мигрантов-билингвов.

Основным методом исследования в настоящей статье является описательный.

В качестве материала изучения рассматриваются разные сферы речевого общения в русском коммуникативном пространстве. Единицей исследования является языковая факт эмблематической коммуникативной ошибки в речи мигранта-билингва. В рамках статьи всего проанализировано около 300 соответствующих языковых фактов.

Научная новизна работы заключается в раскрытии природы эмблематических коммуникативных ошибок в речи мигранта-билингва, в определении их специфики применительно к билингвальной языковой личности и разным типам дискурса.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что данная работа вносит вклад в теорию коммуникации, уточняя разновидности коммуникативных ошибок и способы их интерпретации.

Практическая ценность работы заключается в том, что ее результаты могут найти применение в курсах межкультурной коммуникации, в спецкурсах по лингвосемиотике, теории дискурса, лингвокультурологии, социо- и психолингвистике.

Обзор литературы

Культурообразующая концепция обучения иностранным языкам получила развитие в настоящее время в связи со сменой философии образования: *от знаниецентрической парадигмы (обучение) > к культуросообразной (образование)*. В связи с этим, по мнению Е.И. Пассова, «коммуникативность как философия, как методология в принципе исчерпала себя» [9, с. 15], а абсолютизация коммуникативного подхода и формирование чисто коммуникативной компетенции как конечной цели обучения вызывают всё больше возражений.

Об этом пишет и А.Л. Бердичевский, который подчёркивает, что на современном этапе в качестве механизма образовательного процесса выдвигается общение — «умение вести диалог культур, способность к пониманию ограниченности своей собственной культуры и своего собственного языка и умение переклеститься при встрече с другой культурой на другие языковые и неязыковые нормы поведения» [2, с. 58]. При этом, как и М.С. Каган в «Философии культуры» [4], исследователь проводит черту между коммуникацией и общением, более перспективным (с лингводидактической точки зрения) считая по-

следнее. Суть противоречия, по мнению А.Л. Бердичевского, заключается в механизмах процессов: коммуникация по природе своей монологична, является однонаправленным процессом — от отправителя (субъекта) к получателю (объекту), в результате чего «*понимание* осуществляется лишь на вербальном уровне». Общение же диалогично, представляет собой двунаправленный процесс, от субъекта к субъекту, поиск точек соприкосновения в диалоге культур, в результате чего «осуществляется *взаимопонимание*» [2, с. 59]. Основываясь на этом умозаключении, исследователь формулирует несколько положений современного межкультурного образования. В рамках настоящей статьи нас заинтересовали следующие:

- 1) обучение иностранному (например, русскому) языку — феномен постоянного общения обучающегося с иной культурой — является межкультурным по своей природе, «ибо нет отдельно языка и культуры, язык есть аспект культуры»;
- 2) диалог на иностранном языке представляет собой «диалог двух иностранцев», двух «межкультурных личностей» (ср.: К. Ажеж — понятие «диалоговый человек», Ю.Н. Караулов — понятие «языковая личность») с различными культурами, и модели повседневного общения между носителями одного языка не могут быть автоматически перенесены в ситуации межкультурной коммуникации;
- 3) суть современного межкультурного образования состоит в «обучении пониманию чужого» (*Fremdverstehensunterricht — G. Helbig*), направленному на «преодоление ксенофобии и существующих стереотипов», в обучении взаимопониманию представителей различных культур в процессе общения [2, с. 59].

Из этого следует, что межкультурное образование требует иного подхода к целям обучения иностранному языку, поскольку целью межкультурного образования в целом становится подготовка к контакту с другой культурой, адекватному поведению в условиях чужой культуры — формирование межкультурной компетенции личности, достижение взаимопонимания в процессе межкультурного диалога.

Очевидно, что схожие взгляды на процесс обучения иностранному (русскому) языку можно найти в работах российских учёных, изучающих взаимосвязь языка и культуры. В.В. Воробьев, С.Г. Воркачев, В.А. Маслова, В.Н. Телия, В.И. Карасик и многие другие исследователи отмечают связь лингвокультурологии с культурологией, межкультурной коммуникацией, когнитивной лингвистикой и другими науками. Однако нацеленность преподавания иностранных языков на формирование межкультурной компетенции обучающегося стала возможной именно в последнее время в связи со сменой философии

образования, а также современными глобальными политическими и социальными процессами, в частности — в связи с глобальной миграцией населения по всему миру.

Для обозначения этой сферы наблюдений используют уже известный термин «миграционная лингвистика» (*Migrationslinguistik*), что говорит о масштабности проблемы, требующей пристального внимания. К вопросу соотношения миграции и языка в российских лингвистических исследованиях обращались такие исследователи, как С.В. Шустова, М.Б. Раренко, М.В. Дружинина и др. [12; 9; 7].

Ключевым в рамках настоящего исследования является и термин «ошибка», хотя более нейтральным является понятие девиации. «В западноевропейских и американских лингвистических исследованиях термины *deviant, déviation, deviance* традиционно применяются для обозначений всех видов языковых и речевых “неправильностей”, аномалий, отклонений и т.д.» [1, с. 50].

Наличие тех или иных девиаций рассматривается учеными и в контексте вопросов билингвизма. Исходя из большинства рассмотренных источников, логично предположить, что уровень владения тем или иным языком проще всего определяется посредством выявления наличия либо отсутствия девиаций. В российской практике разработок методики преподавания иностранных языков широко используется термин «плотность ошибок», обозначающий соотношение количества девиаций с общим объемом высказывания на иностранном языке [8, с. 36]. Однако не каждая девиация может считаться ошибкой. Важнейшим условием отнесения отклонения от нормы непосредственно к ошибке считается непреднамеренность его совершения. И вслед за Е.М. Епихиной любое «непроизвольное коммуникативно-значимое нарушение, восприятие и понимание речи или отдельного высказывания, позволяющее сделать некоторые выводы о его совершившем при условии определенной подготовленности второго участника общения» мы считаем эмблематической коммуникативной ошибкой [3, с. 48].

В связи с тем, что коммуникативная ошибка, по своей сути, — понятие неоднородное, выделяем три вида таких ошибок:

- 1) ошибка языковая;
- 2) ошибка поведенческая;
- 3) ошибка интерпретации (восприятия информации) [3, с. 9].

Ненамеренность таких ошибок в речи мигрантов-билингвов естественна и очевидна: выражение мыслей на иностранном языке требует больших энергетических затрат и мобилизации мыслительного процесса с вовлечением всего языкового материала, который

находится на данный момент в распоряжении говорящего. А у мигранта, недавно прибывшего в чужую страну, такой языковой ресурс невелик.

Очевидно, что трудовыми мигрантами чаще всего становятся те представители Средней Азии, которые не имеют образования (как правило, образование ограничивается школой и в лучшем случае полным циклом средней школы, включающим старшие классы). Такие мигранты приезжают обычно из кишлаков и маленьких деревень Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, и потому их речь изобилует речевыми ошибками, отличается сильным акцентом.

Сегодня уже можно говорить о нескольких волнах переселенцев, которые всё хуже владеют русским языком или вовсе его не знают. Русский язык в независимых государствах постсоветского пространства больше не является обязательным предметом в национальных школах, сейчас его заменяет английский. Политические, экономические, социальные проблемы стали причиной невозможности для мигрантов изучения русского языка. По этой причине многие из иностранных рабочих, оказавшиеся на территории России, вынуждены изъясняться на русском языке без базовых языковых знаний по грамматике и лексике, а выжить в иноязычной среде помогают аудирование и говорение как виды речевой деятельности. Коммуникативные ошибки в таком случае неизбежны. И все они являются непреднамеренными.

На этом основании можно предположить, что произвольные коммуникативные ошибки в речи мигранта, выходца из Средней Азии, где русский язык когда-то изучался в национальной школе и «следы» этого знания еще сохраняются старшим поколением — родителями современных мигрантов-билингвов, являются эмблемой билингвального коммуникативного поведения мигранта. Подчеркнем, что это эмблема, возникшая по естественным причинам, не смоделированная намеренно (мигранту, владеющему русским языком на уровне А1, плохо знающему лексику и грамматику чужого языка, не удастся смоделировать ошибку). Это значит, что в данном конкретном случае мы имеем дело с реальной (не фиктивной) эмблемой, которая сообщает о владельце актуальную достоверную информацию: его статус, происхождение, принадлежность к той или иной культуре (в том числе чужой), возраст и состояние здоровья.

Важно отметить, что, по нашему мнению, именно эмблематические коммуникативные ошибки манифестируют билингвальность коммуникативного поведения мигрантов (с уровнем владения русским языком А0-А1), поскольку наиболее явственно коммуникативное поведение проявляется через язык не

у носителя русского языка, который является для него родным, а именно у человека, для которого русский язык — иностранный. Если говорение на русском языке у иностранца, попавшего в русскую языковую среду, ситуативно приобретает на слух при отсутствии знаний по лексике и грамматике, которые не поддерживаются другими видами речевой деятельности — чтением, письмом, то именно коммуникативное поведение мигранта можно считать «чистым», так как оно манифестирует коммуникацию в экстремальных условиях. При этом беспорядочное нагромождение слов «убивает» структуру высказывания, что приводит к потере его смысла, непониманию речи слушающим, который испытывает дискомфорт из-за перенапряжения при необходимости отождествления звучащих сегментов со смыслом, долженствующим передать некую информацию. Всё это и приводит к коммуникативным ошибкам и неудачам межкультурного диалога — диалога коренного жителя страны и иностранного рабочего.

Результаты исследования

Решением многочисленных острых проблем может стать систематическое обучение мигрантов русскому языку как иностранному, конечной целью которого является формирование не только коммуникативной, но и межкультурной компетенции личности общения, способной к пониманию чужой культуры — культуры той страны, в которой мигрант работает. Это, в свою очередь, могло бы привести к взаимопониманию представителей различных культур в процессе общения, к преодолению ксенофобии и существующих стереотипов как по отношению к иностранным рабочим, так и по отношению к россиянам. И планомерные шаги в этом направлении в РФ делаются давно.

Не менее эффективным является анализ тех коммуникативных ошибок, которые делает иностранный рабочий, прибывший в страну недавно. Их изучение может помочь в выстраивании успешной лингводидактической работы по языковой адаптации иностранца.

Например, важно понимать, что трудовые мигранты в России — люди, которые не используют письменную форму речи, поскольку это вызывает у них большие затруднения. Обычной формой общения является для них устная речь, а значит, особый интерес представляют фонетические ошибки, к которым можно отнести акцентологические и произносительные нарушения нормы: *Я тебе помочь не отказывал; Как сама чувствуя?* (=самочувствие); *как вИ? Могу ли я прийти позже* — вопрос при отсутствии вопросительной интонации и пр.

Исходя из этого, можно предположить, что мигранту, оказавшемуся в русской языковой среде,

в первую очередь необходимы такие виды речевой деятельности, как аудирование (рецептивный вид) и говорение (продуктивный вид), которые сопряжены с интенсивным мыслительным процессом и которые представляют для него большие трудности, поскольку, участвуя в коммуникативном акте, он должен воспринимать и анализировать услышанную информацию и передавать нужную информацию теми минимальными языковыми средствами, которыми он располагает, не имея сформированной базы навыков и умений. Это закономерно влечёт за собой многочисленные ошибки (отклонения от языковых норм и правил использования, узуса) как языкового, так и речевого характера. Сталкиваясь с непониманием окружающих, мигрант в процессе постоянной коммуникации сам вынужден корректировать (путём проб) свои коммуникативно значимые ошибки, приводящие к нарушению коммуникации (при условии, если рядом нет человека, который укажет ему на эти ошибки и исправит их). Прежде всего, эти ошибки связаны с интерференцией, т.е. с влиянием родного языка мигранта (межъязыковые), а также с языковой спецификой русского языка (внутриязыковые), когда человек вынужден делать мгновенный выбор структуры, синтаксической конструкции, лексических единиц, их грамматических форм одновременно, причём, думается, межъязыковая интерференция по сравнению с внутриязыковой является доминирующей в порождении коммуникативно значимых ошибок. Именно синтезирование разноплановых единиц в единое высказывание за определённую единицу времени приводит к появлению в речи иностранца многочисленных ошибок.

В связи с этим преподавателю РКИ необходимо обратить внимание на тот факт, что межъязыковая интерференция предполагает сопоставление языков. Для того чтобы понять причину ошибки, какое языковое явление из своего родного языка испытуемый привносит в свою речь на русском языке, что побуждает его сделать это, необходимо знать типологические особенности, касающиеся всех уровней языка иностранца.

Например, узбекский язык — это язык агглюнативного типа; его основные признаки таковы: в составе слова морфемы однозначные, следующие друг за другом в определённой последовательности, грамматическое значение в предложении выражено только один раз, отсутствует категория рода, есть шесть падежей, отсутствует сингармонизм, задняя артикуляция звуков, порядок слов в предложении SOV — субъект-объект-сказуемое.

Отсюда ошибки в речи мигрантов-узбеков:

У меня тоже время совпал.

*Проточичный водонагреватель я тебе сделаю.
(=Проточный)*

У меня реально с время проблема.

Я тебе помочь не отказивал.

У меня салат готова.

Следовательно, методически работа преподавателя с мигрантами-билингвами должна выстраиваться с учётом типологических особенностей их родных языков.

Методической рекомендацией для преподавателя РКИ может служить и классификация ошибок в речи мигрантов-билингвов, основанная на разделении ошибок в устной и письменной речи.

Так, в письменной речи среди орфографических ошибок наиболее частотными являются ошибки при написании корней слов: *как долИтели?* (лететь); *извЕни* (извинить), *хАрАшо* (хорошо).

Не менее трудными в письменной речи являются для мигрантов-иностранцев русские глаголы, правописание которых вызывает большое количество вопросов: *будИте* (будете — быть) — правописание глагольных окончаний; *как ПРИлетели?* — вместо *долетели* (непонимание значения словообразующих приставок в глаголах движения).

Еще одной частотной ошибкой является употребление мягкого знака в именах существительных 3-го склонения: *ноч_* — отсутствие Ъ связано с неразличением твердости/мягкости русских согласных для иностранцев, в чьих родных языках нет мягких согласных фонем, которые бы противопоставлялись соответствующим твердым согласным фонемам. Например, в узбекском языке отсутствуют [п'], [б'], [м'], [ф'], [в'], [т'], [д'], [с'], [ш':], [з'], [ж':], [н'], [л'], [р']. А в случае с таджикским языком проблема с отсутствием необходимых для русского языка фонем и знаков имеет большую юридическую значимость.

Например, во исполнение Указа президента от 20 сентября 2013 г. № 1519 «О введении паспорта гражданина Республики Таджикистан» и в соответствии с Правилами выдачи паспорта гражданина РТ, утверждёнными постановлением правительства от 13 июня 2014 г. № 406, «демографические данные гражданина» заполняются кириллическими (на таджикском языке) и латинскими (на английском языке) буквами. Официально запрещается использовать буквы, не предусмотренные в таджикском языке, в том числе буквы «ц, щ, ь, ы». Буквы русского языка заменяются соответственно: «щ» на «ш»; «ы» на «и»; «ь» мягкий знак не пишется. Вместо буквы «ц» между гласными пишутся буквы «тс», в других случаях пишется буква «с». При наличии в фамилиях, именах, отчествах заявителей букв, не предусмотренных в таджикском алфавите, по просьбе заявителя ему выдаётся справка с указанием в ней фамилии, имени, отчества на русском языке. Справки

подписываются начальниками паспортно-регистрационных служб и заверяются печатью.

Как видим, языковые ошибки имеют совершенно конкретные причины и могут служить эмблемой билингвального коммуникативного поведения мигранта-иностранца.

Не менее значимы ошибки поведенческие и интерпретационные. Помимо языкового, есть и культурный барьер, что делает общение с мигрантами ещё более затруднительным, к тому же экономические и политические «подводные течения» превращают эти барьеры в почти непреодолимые препятствия. С.Г. Тер-Минасова пишет: «...мы видим, слышим и оцениваем окружающую нас реальность по-разному, в зависимости от культуры и языка, и родной язык играет здесь решающую роль, услужливо предоставляя или, вернее, навязывая нам именно такое восприятие мира, исторически сложившееся под влиянием самых разных факторов у наших предков» [11, с. 67].

Вывод

1. Коммуникативное поведение мигранта — это, по сути, его цифровой профиль, по которому безошибочно можно определить актуальную информацию о человеке. В случае с мигрантами, приезжающими в РФ из стран постсоветского пространства (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия), где еще жива память о дружбе народов в Советском Союзе, где русский язык изучался в качестве обязательного в национальной школе, говорить нужно о билингвальном коммуникативном поведении. Оно является реальной эмблемой трудовых мигрантов из Средней Азии, охотно приезжающих на заработки в Россию, знакомую им по рассказам старших родственников.
2. Манифестациями билингвального коммуникативного поведения, в свою очередь, являются эмблематические коммуникативные ошибки в речи мигрантов-билингвов с уровнем владения русским языком на уровне А0-А1. По нашим предположениям, таких мигрантов можно считать «пребилингвами» [6, с. 17], что позволяет, на наш взгляд, в принципе говорить о градуальности понятия билингвизма.
3. Сущность эмблематичности находит выражение в выборе определенных стратегий и способов речевого поведения: подчёркнуто напряжённая артикуляция, незнание интонационных особенностей звучащей русской речи, хаотичное «нагромождение» языковых средств, вызванное незнанием лексики и грамматики русского языка, неумение читать и писать — всё это в чужой стране делает мигранта неуверенным в себе человеком,

а его тип коммуникативного поведения можно считать пассивным. Однако по мере изучения русского языка (А2-В1) и уменьшения плотности коммуникативных ошибок в речи иностранный рабочий из Средней Азии меняется: растёт расслабленность артикуляции, в речи появляются характерные жаргонизмы, тип коммуникативного поведения становится пассивно-агрессивным [6, с. 17]. Апеллируя к сознанию коренного жителя России, такой мигрант-билингв заявляет о своих правах открыто: перед вами такой же гражданин, как и вы; я требую уважительного к себе отношения и полного взаимодействия со мной.

4. Важно отметить, что именно степень владения русским языком меняет стратегию коммуникативного поведения мигранта-билингва из Средней Азии. «Пребилингв» спорить с окружающими не станет (для этого ему не хватает знаний), тогда как более уверенный пользователь русского языка, уже адаптировавшийся в России, будет вести себя иначе.
5. На этом основании можно сделать вывод о том, что для разрешения напряжённости между коренными жителями страны и приезжими иностранными рабочими в целом необходимо особую роль в адаптации мигрантов-иностранцев отвести их языковой и межкультурной подготовке, а именно — формированию коммуникативной и межкультурной компетенции (в частности). Четко определенная цель в преподавании РКИ трудовому мигранту позволит создать более эффективное образовательное пространство, нацеленное на культуросообразность подготовки, что, в свою очередь, может привести к положительным результатам и сделает возможным более гармоничное сосуществование разных народов в многонациональном пространстве Российской Федерации.

Заключение

Итак, эмблематические коммуникативные ошибки в речи мигрантов-билингвов из Средней Азии являются важным индикатором: для коренных жителей России они в результате общения являются очевидным раздражителем, а для специалистов — источником достоверной информации о говорящем. Именно поэтому необходимой является разноплановая методическая работа преподавателя-русиста как по устранению коммуникативных ошибок в речи мигранта-билингва, так и по обучению «пониманию чужого» — чужой культуры, чужих традиций, чужого языка. Только так — через воспитание «межкультурной личности» — можно добиться эффекта «пла-

вильного котла», о котором еще в 2021 г. говорил Президент РФ В.В. Путин, выступая на заседании международного клуба «Валдай» [ТАСС, от 21.10.2021, 18:59]: «Россия <...> никогда не ставила в сложное положение тех людей, которые вливались в состав единого Российского государства. Это касалось и

вероисповедания, и традиций, и истории». И именно для достижения полного взаимопонимания разных народов в едином российском пространстве так важно, чтобы участники диалога культур, считывая эмблемы, не делали ошибки и всегда стремились к гармонизации межкультурного общения.

Литература

1. Алешина О.Н. Речевая ошибка — свидетельство хаоса или порядка в языке? [Текст] / О.Н. Алешина // Теория и история культуры в вузовском образовании: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Хохлова, А.М. Фурсенко, Е.Б. Шерешевской. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. — С. 50–55.
2. Бердичевский А.Л. Современное межкультурное иноязычное образование [Текст] / А.Л. Бердичевский // Современная коммуникативистика. — 2024. — № 6. — С. 58–62.
3. Епихина Е.М. Эмблематические коммуникативные ошибки [Текст]: дисс. канд. филол. наук / Е.М. Епихина. — Волгоград, 2014. — 155 с.
4. Каган М.С. Философия культуры [Текст]: учебник для вузов / М.С. Каган. — М.: Юрайт, 2026. — 353 с.
5. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж «мигрант» в современной России [Текст] / В.И. Карасик, И.Б. Маслова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2025. — № 4. — С. 23–34.
6. Маслова И.Б. Коммуникативный паспорт современного мигранта из Средней Азии [Текст] / И.Б. Маслова // Современная коммуникативистика. — 2024. — № 6. — С. 14–20.
7. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики [Текст]: монография / С.В. Шустова, М.Р. Желтухина, М.В. Дружинина [и др.]; под ред. А.М. Амадова. — Пермь: Изд-во Пермского гос. национального исследовательского ун-та, 2019. — 180 с.
8. Мусницкая Е.В. Сто вопросов к себе и к ученику: Книга для учителя [Текст] / Е.В. Мусницкая. — М.: Дом педагогики, 1996. — 191 с.
9. Пассов Е.И. Метод диалога культур. Эскиз-размышление о развитии методической науки [Текст] / Е.И. Пассов. — Липецк, 2011.
10. Раренко М.Б. Миграционная лингвистика и ее место в современных лингвистических исследованиях (Обзор ИНИОН) [Текст] / М.Б. Раренко. — 2021. — С. 37–43.
11. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. — М.: Слово/Slovo, 2008. — 344 с.
12. Шустова С.В. Миграционная лингвистика и миграционный дискурс [Текст] / С.В. Шустова // Теоретическая и прикладная лингвистика. — 2018. — № 4(2). — С. 114–125.
13. Федеральный закон об образовании от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 15.10.2025). — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698>

References

1. Aleshina O.N. Rechevaya oshibka — svidetel'stvo khaosa ili poryadka v yazyke? // Teoriya i istoriya kul'tury v vuzovskom obrazovanii: mezhvuz. sb. nauch. tr. / Pod red. N.A. Khokhlova, A.M. Fursenko, E.B. Shereshevskoi. [Is a speech error a sign of chaos or order in the language? // Theory and History of Culture in Higher Education: Interuniversity Collection of Scientific

- Papers / Edited by N.A. Khokhlov, A.M. Fursenko, and E.B. Shereshevskaya.] Novosibirsk: NGU, 2003, pp. 50–55. (in Russian)
2. Berdichevskii A.L. Sovremennoe mezhkul'turnoe inoyazychnoe obrazovanie // Sovremennaya kommunikativistika. [Modern Intercultural Foreign Language Education // Modern Communication]. 2024. № 6, pp. 58–62. (in Russian)
3. Epikhina E.M. Ehblematicheskie kommunikativnye oshibki / Diss. na soiskanie uch. st. k. fil. n. [Emblematic communicative errors / Diss. for the degree of Candidate of Philology]. Volgograd, 2014. 155 p. (in Russian)
4. Kagan M.S. Filosofiya kul'tury: uchebnik dlya vuzov [Philosophy of Culture: Textbook for Universities]. M.: Izd-vo Yurait, 2026. 353 p. (in Russian)
5. Karasik V.I., Maslova I.B. Lingvokul'turnyi tipazh «migrant» v sovremennoi Rossii // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya [The Linguocultural Type of the "Migrant" in Modern Russia // Bulletin of Tver State University. Series: Philology]. 2025. № 4, pp. 23–34. (in Russian)
6. Maslova I.B. Kommunikativnyi pasport sovremennoho migranta iz Srednei Azii//Sovremennaya kommunikativistika. [The communicative passport of a modern migrant from Central Asia // Modern Communication Studies]. 2024. № 6, pp. 14–20. (in Russian)
7. Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme: mediatsionnye praktiki: monografiya / S.V. Shustova, M.R. Zheltukhina, M.V. Druzhinina [i dr.]; pod red. A.M. Amatova. [Migration Linguistics in the Modern Scientific Paradigm: Mediation Practices: Monograph / S.V. Shustova, M.R. Zheltukhina, M.V. Druzhinina [et al.]; edited by A.M. Amatorv]. Perm': Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, 2019. 180 p. (in Russian)
8. Musnitskaya E.V. Sto voprosov k sebe i k ucheniku: Kniga dlya uchitelya. [One Hundred Questions for Yourself and Your Student: A Teacher's Book]. M.: Dom pedagogiki, 1996. 191 p. (in Russian)
9. Passov E.I. Metod dialoga kul'tur. Ehskez-razmyshlenie o razvitii metodicheskoi nauki [The method of cultural dialogue. An essay on the development of methodological science. Lipetsk, 2011. (in Russian)
10. Rarenko M.B. Migratsionnaya lingvistika i ee mesto v sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniyakh (Obzor INION) [Migration Linguistics and Its Place in Modern Linguistic Research (Review by INION). 2021, pp. 37–43. (in Russian)
11. Ter-Minasova S.G. Voina i mir yazykov i kul'tur [War and the world of languages and cultures]. M.: Slovo/Slovo, 2008. 344 p. (in Russian)
12. Shustova S.V. Migratsionnaya lingvistika i migratsionnyi diskurs // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Migration Linguistics and Migration Discourse // Theoretical and Applied Linguistics]. 2018. № 4(2), pp. 114–125. (in Russian)
13. Federal'nyi zakon ob obrazovanii ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 15.10.2025) [13. Federal Law on Education dated December 29, 2012, No. 273-FZ]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698> (in Russian)